

## Цели уголовного наказания и проблемы социальной адаптации лиц, отбывших и отбывающих наказание в виде лишения свободы

**Дикаев С. У.**

профессор кафедры уголовного права  
Санкт-Петербургского университета МВД России,  
доктор юридических наук, профессор, полковник милиции

*В статье рассматриваются причины, обусловившие кризис лишения свободы с позиции достижения социальных целей уголовного наказания. Анализируются данные социологических опросов жертв преступлений, правонарушителей и осужденных, которые характеризуют социальную неэффективность уголовного наказания. Предлагается для решения вопроса социальной адаптации лиц, отбывших длительные сроки лишения свободы, совершенствовать институт уголовного наказания, значительно расширить и детально регламентировать институт примирения, что позволит значительно уменьшить тюремный контингент, снизить сроки отбывания наказания, сократить число лиц, нуждающихся в реабилитации.*

«Кризис», рассматриваемый как тяжелое переходное состояние какого-либо процесса, социального института, сферы общества [15, С. 319], как состояние, когда существующие средства (механизмы) достижения целей становятся неадекватными, и в результате чего возникают непредсказуемые ситуации и проблемы, для преодоления которых нужны новые модели мышления и действия [16, С. 49], давно и непосредственно коснулся и института уголовного наказания.

В условиях актуализации проблемы социальной адаптации лиц, отбывших длительные сроки лишения свободы, представляется необходимым выявления причин, породивших кризис уголовного наказания. Некоторые из причин были рассмотрены в научной литературе [6]. В настоящей статье причины, обусловившие кризис лишения свободы, рассматриваются с позиции целей уголовного наказания, перечисленных в ч. 2, ст. 43 УК РФ – восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

В УК РСФСР перед уголовным наказанием не ставилась цель восстановления социальной справедливости, однако в уголовно-правовой

науке называлась цель «удовлетворения чувства справедливости членов социалистического общества» [1, С. 27-29]. Требование удовлетворения чувства справедливости в качестве самостоятельной цели уголовного наказания выводилась из того, что «...в некоторых случаях наказание, вынесенное с учетом его целей, указанных в УК, не может обеспечить справедливое решение дела» [8, С. 15].

Идея о том, что уголовное наказание должно не только устрашать, но и восстанавливать справедливость, заглаживать вред не нова. Еще в начале XIX века немецким ученым Волькером была основана теория заглаживания вреда. По Волькеру цель заглаживания вреда причиненным преступлением распадалась на семь частных целей. В научной литературе советского периода об этой цели писали Б.С. Никифоров, А.Ф.Мицкевич, П.Г.Пономарев, и другие авторы [2, С. 46-47].

В современной литературе рассматриваемая цель трактуется весьма широко и неопределенно. А.Ф.Мицкевич полагает, что понятие «справедливость», используемое законодателем при конструировании принципа уголовного права (ст.6 УК РФ) и при конструировании цели уголовного наказания, должны пони-

маться одинаково [10, С. 117]. Однако далее он пишет, что «... цель уголовного наказания «восстановление социальной справедливости» подразумевает воздействие уголовного наказания на представления всего общества и его граждан о справедливом и несправедливом» [14, С. 43-44].

Представляется наивным полагать, что обществом отдельные члены этого общества в своем отношении к категориям «добро» и «зло», «справедливость» и «несправедливость» будут ориентироваться на понимание этих категорий законодателем, или судьей, вынесшим обвинительный приговор и назначившим уголовное наказание. Понимание рассматриваемой цели как некоего средства восстановления миропорядка, существовавшего до совершения преступления, как инструмента, обеспечивающего поступательное развитие общества, приводит к игнорированию интересов жертвы преступления. Виктимологический опрос показал, что 93% опрошенных жертв преступлений считают, что обвинительный приговор, вынесенный в отношении виновных, не был справедливым по отношению к ним (16% считали, что их интересы при вынесении приговора в отношении виновных были частично учтены). Практически все опрошенные считали, что уголовное наказание было бы справедливым, если бы оно было ориентировано на компенсацию жертвам причиненного им физического, морального вреда или материального ущерба. При этом 72% опрошенных полагали, что в обществе должен существовать и иной (внесудебный, договорной или примирительный) инструмент регулирования уголовно-правовых отношений.

От приведенных не сильно отличаются и результаты опроса самих виновных в совершении преступлений, 64% из которых согласились бы компенсировать причиненный вред в кратчайшие сроки, 24% затруднились ответить, и лишь 12% не стали бы это делать, полагая, что они осуждены справедливо (4%) или полагая, что они сами являются жертвами судебного «произвола» (8%).

Как видно, вопрос о справедливости наказания находит решение исключительно из понимания этой справедливости судьей (судьями), что само по себе нельзя считать спра-

ведливым. Полагаем, что наказание должно считаться справедливым не только если оно соответствует тяжести совершенного преступления и личности виновного, но и если оно максимально учитывает интересы сторон, особенно интересы потерпевшего. Социальная справедливость может быть признана восстановленной, если назначенное наказание считается справедливым, во-первых, самим потерпевшим, во-вторых, самим виновным, и, в-третьих, судьей (судьями). Признание такого понимания восстановления социальной справедливости означало бы признание преступления как социального конфликта, требующего разрешения посредством удовлетворения претензий потерпевшего. А это означает необходимость адресации принципа восстановления социальной справедливости ко всем отраслям права, а не только к таким, как, например, гражданское право.

Как некий идеал, к которому должно стремиться общество, но к которому оно вряд ли когда-то придет, выглядит такая цель уголовного наказания, как исправление осужденного.

В своей работе «Понятие и педагогические принципы исправления и перевоспитания заключенных» В.И.Куфаев писал, что исправление предполагает изменение у осужденного отдельных черт личности, отдельных свойств характера, имеющихся у него отдельных порочных привычек, взглядов, поведения [7, С. 8].

И.И.Карпец полагал, что исправление достигается тогда, когда человек, понесший наказание, понимает недостойность своего поведения, недопустимость совершения новых преступлений и не совершает их, хотя бы потому, что боится наказания [5, С. 63].

И.С. Ной в своих работах предлагает различать моральное и юридическое исправление. При этом он пишет, что цель исправления может считаться достигнутой лишь в том случае, если достигнуто моральное исправление человека, совершившего преступление, то есть, новое преступление он не совершит не из страха перед законом, а потому, что это противоречило бы его новым взглядам, убеждениям и привычкам [12, С. 41].

Из приведенных взглядов классиков отечественной юриспруденции видно, что, по их мнению, наказание складывается из мер вос-

питательного воздействия и мер карательных. Конечно, наказание как один из методов воспитания в той или иной мере может влиять и на выработку мировоззрения, и на формирование нравственных качеств личности и др. Однако ученые не учитывают того обстоятельства, что наказание применяется к лицам с уже сформировавшимися чертами характера, нравственными установками, с определенным мировоззрением и навыками поведения. Наказание далеко не на всех и далеко не всегда устрашающе воздействует на лиц, совершивших или совершающих преступления. И уж тем более не оказывает воспитательного воздействия.

Опрос лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы, показал, что лишь 18% не совершат вновь преступления по причине боязни уголовного наказания, 76% опрошенных не боятся лишиться свободы так как не видят в нем «ничего страшного», однако 42% из них не хотели бы «сесть за глупость». Почти все опрошенные испытывали значительно больший страх перед уголовным наказанием до первого осуждения за совершение ими первого преступления. Потом устрашающий эффект наказания постепенно сошел на нет, произошло привыкание к нему. Значит, отмечаемая в научной литературе эмоциональная глухота и равнодушие к угрозе наказания [11, С. 13] характерны не только преступникам-рецидивистам, но и многим осужденным, в том числе и впервые осужденным. Привыкнув к наказанию человек перестал его воспринимать и больше ничто не может его удерживать от соблазна при необходимости вновь совершить преступление. Следует отметить, что устрашение как средство общего предупреждения не имеет заметного мотивирующего значения и для большинства опрошенных лиц, из числа правопослушного населения [3, С. 53].

А.Ф.Мицкевич полагает, что цель исправления осужденного можно считать достигнутой, если воспитательное воздействие наказания на нравственно-психологическую, волевою и эмоционально-чувственную сферы осужденного приведет к тому, что осужденный не будет совершать новых преступлений в силу наступивших изменений в его психике в виде негативного оценочного отношения к преступным формам поведения, положительного

отношения к общепринятым основным правилам поведения и готовности вести себя в соответствии с этими правилами [9, С. 114].

Напрашиваются вопросы: «Какое мероприятие (комплекс мероприятий) должно привести к тому, чтобы у осужденных наступили такие изменения в психике? Что такое есть в местах лишения свободы, чего нет на свободе, чтобы лицо, попадая туда, изменяло свою психику и непременно в лучшую сторону? Это насколько жизнь в местах лишения свободы должна быть лучше организована, чем жизнь на свободе, что люди меняются и непременно в лучшую сторону?».

Наш опрос лиц, отбывающих и отбывших уголовное наказание, показал, что 94% из них не испытывают и никогда не испытывали никакого воздействия, которое бы их облагораживало, возвышало духовно и нравственно, прививало им чувства справедливости, уважения к законам. Все опрошенные считали наличие в УК цели исправления осужденных «глупостью». И с ними трудно не согласиться, если учитывать, что ст. 9-я УИК в качестве основного средства исправления прямо предусматривает общественно-полезный труд. Опрос лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы, показал, что лишь 4% из них имели постоянную работу за последние 2 года отбывания наказания, 27% имели временную или сезонную работу и то от случая к случаю. Значит, абсолютное большинство осужденных в период отбывания наказания не работает. Осужденные не работают не потому, что не хотят, а потому, что государство не обеспечивает их работой. При этом основная масса осужденных – физически трудоспособное население, желающее трудиться и зарабатывать деньги, содержать родных и близких на воле. Если не работает основное средство исправления, значит, и речи не может быть об исправлении вообще. Соответственно цель исправления осужденных есть ни что иное, как обман законодателем общественности.

Не лучше обстоит дело и с другой целью уголовного наказания – предупреждение преступлений. В науке уголовного права выделяют общее и частное предупреждение. Цель общего предупреждения заключается в том, чтобы оно под угрозой наказания удерживало

людей от совершения новых преступлений. Тот факт, что преступность ежегодно растет, является убедительным аргументом, доказывающим несостоятельность общей превенции.

Так, если в России, по данным МВД, в 2000 г. было зарегистрировано 2 952 000 преступлений, в 2001 г. – 2968300, 2002 г. – 2756398, 2003 г. – 2756398, 2004 г. – 2883810, 2005 г. – 3554700, то в 2006 г. – 3855373 преступления [21]. За шесть лет рост преступности составил 124,5%.

Цель – это тот идеальный результат, к которому стремятся. Выходит, что российское общество стремиться предупредить преступления, а в реальности приходит к противоположному результату – вовлечению в орбиту преступности все новых членов общества. И здесь уместен вопрос об эффективности уголовного закона. Затронув этот вопрос на научном семинаре Санкт-Петербургского криминологического клуба, профессор Н.А.Лопашенко предложила формулу, позволяющую определить эффективность уголовного закона и эффективность уголовно-правовой нормы [20].

Полагаем, что об эффективности лишения свободы применительно к общей превенции можно судить исключительно из ее способности предотвратить вливания в систему «преступность» все новых членов общества. Если лишение свободы как мера уголовного наказания неспособна обеспечить достижение этой цели, то, очевидно, что эта мера не только не эффективна, но и абсурдна.

Говоря о преступности и возможностях воздействия на нее нужно учитывать и следующее. Системный метод исследования позволяет увидеть противостояние двух систем – системы преступности и правоохранительной системы. Можно предположить, что обе эти системы будут существовать всегда, взаимно обуславливая друг друга. Правоохранительная система сама не позволит полностью уничтожить систему «преступность», ибо существование первой напрямую зависит от существования второй. Правоохранительная система всегда найдет аргументы для обоснования необходимости своего существования в государственных интересах, для чего будет намеренно создавать условия для продолжения существования системы «преступность».

Из этого следует, что правоохранительная система никогда сама не изменит стиль и методы своей деятельности. Даже если она и претерпит некоторые изменения под воздействием внешних сил (принятие политических решений), то через некоторое время она восстановит свои позиции. Например, до принятия нового УПК численность лиц, находящихся в местах лишения свободы составляла в 2001 г. – 980151 человек, а после вступления в силу нового УПК их численность снизилась и составляла в 2002 г. – 877393, 2003 г. – 847004 человека. После известных изменений, внесенных в УК РФ Законом от 8.12.2003 года, численность тюремного населения снизилась в 2004 г. до 763115 человека. Однако в 2005 г. их численность возросла и составляла – 823451 человек, а в 2006 г. – 871693 человека, то есть стала больше, чем была в 2003 году.

Значит, сами по себе изменения УК не смогли снизить численность осужденных в местах лишения свободы. Полагаем, что причиной тому являются непознанные и незаметные внутрисистемные процессы, обеспечивающие системе «выживание». Здесь уместно заметить, что Указом Президента России № 1246 от 31 октября 2005 года предельная штатная численность органов внутренних дел Российской Федерации, финансируемая за счет федерального бюджета, определена в 821268 единиц, то есть система «ловит» примерно столько преступников, сколько составляет численность работников самой системы. Чтобы система не воспроизводила себя и своего антипода, нужно было принять еще ряд решений. В частности, система УИН России располагает 765 исправительными колониями, 216 следственными изоляторами, 7 тюрьмами и 160 помещениями, функционирующими в режиме следственных изоляторов и тюрем [22]. Ни одно из названных учреждений не лишилось ни одного места для осужденных, не был снижен и лимит их наполняемости. В итоге сама система организовалась таким образом, что все, кто вышел из колоний в 2003-2004 гг., через полтора года вернулись, «прихватив» собой еще несколько десятков тысяч человек.

На наш взгляд, одновременно с внесением изменений в УК в 2003 году, следовало бы лик-

видировать несколько десятков учреждений уголовно-исполнительной системы. Этот шаг не вызвал бы особых проблем тем более, что в России много учреждений УИН, в несколько раз превысивших сроки эксплуатации. В оставшихся учреждениях целесообразно снизить лимит наполняемости, а в последующем жестко контролировать, чтобы не увеличить количество мест в учреждениях УИН. Полагаем, что необходимо рассчитать и волевым решением установить необходимое количество учреждений УИН с жестким лимитом наполняемости. Общее количество мест в учреждениях УИН можно было бы рассчитать в процентном отношении от численности населения России, например, 0,2%, что составляет примерно 290 000 мест. А судей обеспечивать информацией о наличии «койко-мест» в конкретном учреждении УИН. Это заставит их призадуматься над тем, какой вид наказания назначить виновному в совершении преступления.

Недостижимой является и цель частной превенции, понимаемая как предупреждение совершения новых преступлений со стороны тех лиц, которые уже совершили преступления и осуждены. Статистические данные о зарегистрированных преступлениях свидетельствуют о внешне удовлетворительной криминогенной обстановке в уголовно-исполнительной системе. Так, в учреждениях УИН, обеспечивающих изоляцию от общества, зарегистрировано в 1997 г. – 2086 преступлений, в 1998 г. – 1779, в 1999 г. – 1554, в 2000 г. – 1254, в 2001 г. – 1157, в 2002 г. – 1200, в 2003 г. – 1675, в 2004 г. – 1196 [19].

Расчеты, основанные на данных официальной статистики о количестве тюремного населения в году, и количестве совершенных в местах лишения свободы преступлений показывают, что изоляция от общества не является панацеей. В местах лишения свободы происходят те же самые негативные процессы, что и на свободе. Это видно при сопоставлении коэффициентов преступности, совершаемых в местах лишения свободы, и преступности, в России. В частности, коэффициент преступности в целом по России составил в 2002 г. – 1754,9; 2003 г. – 1742,3; 2004 г. – 2007,2 преступлений на 100 тыс. населения [18, С. 187].

Коэффициент преступности в местах лишения свободы, рассчитанный на 100 тыс. человек тюремного населения, составлял в 2002 г. – 136; 2003 г. – 197,7; 2004 г. – 156,7 преступлений. Значит изоляция от общества почти в 13 раз снижает вероятность совершения лицом, отбывающим уголовное наказание, нового преступления. Следует отметить, что обобщенные данные о пенитенциарной преступности отсутствуют, что значительно искажает истинную картину состояния преступности в местах лишения свободы по России. Исследователи, специально занимавшиеся этим вопросом, отмечают, что криминогенная обстановка в исправительных учреждениях остается достаточно сложной. Ряд данных свидетельствует о достаточно высоком уровне латентности преступлений в местах лишения свободы. Она особенно характерна для относительно неопасных преступлений (по сравнению с убийствами, причинением тяжкого вреда здоровью), в значительной мере ставших как бы нормальными явлениями «тюремно-лагерного мира» — побои, истязания, насильственное мужеложство, хулиганство и т.д. Латентный характер этих посягательств, с одной стороны, объясняется спецификой взаимоотношений осужденных между собой (наличие криминального управления и суда, жесткая иерархичность в стратах и т.д.) [13, С. 25]. Наиболее значимым фактором, влияющим на поведение осужденного, является существование норм, обычаев и традиций «криминального мира», которые прямо запрещают любое сотрудничество с представителями администрации [4, С. 13-14].

С другой стороны, основанием негативной оценки деятельности любого исправительного учреждения является наличие преступлений, посягающих на установленный порядок исполнения наказания. Поэтому очевидно, что именно данные деяния укрываются от учета, сознательно делается их неправильная уголовно-правовая оценка (отнесение к не учитываемой категории, либо к менее опасным деяниям, не входящим в систему отчетности (форма № 2 УИС) (в лучшем случае эти действия квалифицируются по ст. 112, 115, 116, 119 УК РФ)).

Таким образом, преступность в местах лишения свободы не только достаточно велика по масштабам, но и опасна по характеру и отличается своей жестокостью, однако регистрируется лишь незначительная ее часть [17, С. 66].

Следовательно, цель частной превенции тоже недостижима. Только один вид наказания дает стопроцентную гарантию достижения цели частной превенции – смертная казнь, на которую в России существует мораторий.

Таким образом, «кризис уголовного наказания» понимается нами как неспособность института уголовного наказания решить стоящие перед уголовным законом задачи (ст.2 УК РФ) и достичь его целей (ч.2 ст.43 УК РФ). Успешное решение вопроса социальной адаптации лиц, отбывших длительные сроки лишения свободы, возможно только усовершенствовав сам институт уголовного наказания, признающий в преступлении социальный конфликт и минимизацию государственного вмешательства в этот конфликт. Необходимо значительно расширить и детально регламентировать институт примирения, что позволит значительно уменьшить тюремный контингент, снизить сроки отбывания наказания, соответственно и лиц, нуждающихся в социальной адаптации.

#### *Литература:*

1. Беляев, Н.А. Цели наказания и средства их достижения в ИТУ. Л. 1963. С. 27-29.
2. Государство и право. 1994. № 6. С. 46-47.
3. Дикаев, С. У. Унификация уголовного законодательства и проблемы совершенствования института наказания. //Юридические науки и образование. Сборник научных трудов. Баку: Изд-во «Тефеккюр». 2005. С. 53.
4. Ишигеев, В.С. Пенитенциарные преступления: характеристика, предупреждение, ответственность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 13-14.
5. Карпец, И.И. Индивидуализация наказания. И., 1961. С. 63.

6. Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2003. № 1 (6).
7. Куфаев, В.И. Понятие и педагогические принципы исправления и перевоспитания заключенных: Лекция. М., ВШМВД СССР, 1959. С. 8.
8. Мицкевич, А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия. СПб., 2005. С. 15.
9. Мицкевич, А.Ф. Указ. соч. С. 114.
10. Мицкевич, А.Ф. Указ. соч. С. 117.
11. Наказание и исправление преступников // Под ред. проф. Ю.М. Антоняна: Пособие. М., НИИ МВД РФ, 1992. С. 13.
12. Ной, И.С. Вопросы теории наказания в уголовном праве. Саратов. 1962. С. 41.
13. Примак, А.А. О некоторых факторах латентности пенитенциарной преступности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском федеральном округе. Красноярск, 2002. С. 25.
14. Российское уголовное право: Курс лекций. Т.2 /Под ред. А.И.Коробеева. Владивосток, 1999. С. 43-44.
15. Современный словарь иностранных слов. М.: Рус.яз., 1993. С. 319.
16. Социологический энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1998. С. 49.
17. Стуканов, А.П. Кресты: История побегов. СПб., 2001. С. 66.
18. Шестаков, Д.А. Криминология ... С. 187.
19. Состояние уголовно-исполнительной системы Минюста России // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2000. № 2; + Зубков, А.И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий. М., 2000; + Преступность и правонарушения (1995-2000): Стат. сб. М., 2000; + Состояние преступности за 1997-2003 гг. в Сибирском федеральном округе. Красноярск, 2004; и др.
20. По мнению Н.А.Лопашенко, эффективность уголовного закона равна эффективности криминализации + эффективность законотворчества + эффективность правоприменения (ЭУЗ=ЭК+ЭЗ+ЭП). Лопашенко Н.А. Эффективное уголовное законодательство: утопия, иллюзия или нереализованные возможности. Доклад на научном семинаре Санкт-Петербургского криминологического клуба. Санкт-Петербург, 2 марта 2007.
21. [www. MVDinform.ru](http://www.MVDinform.ru)
22. <http://www.fsin.su/main.phtml?cid=6>

